

15.09.2021 18:12:00

Европа загоняет себя в ценовую ловушку

К вопросу о причинах нынешней ценовой конъюнктуры на рынке газа в Европе

Андрей Конопляник (/authors/49975/)

Об авторе: Андрей Александрович Конопляник, доктор экономических наук, профессор, член Научного совета РАН по системным исследованиям в энергетике.

Тэги: [ec \(/search/tags/?tags=ec\)](#), [европа \(/search/tags/?tags=европа\)](#), [сша \(/search/tags/?tags=сша\)](#), [газ \(/search/tags/?tags=газ\)](#), [экономика \(/search/tags/?tags=экономика\)](#), [политика \(/search/tags/?tags=политика\)](#)

Фото Reuters

максимума марта 2018 г. (940 долл.)

Я бы выделил три аспекта проблемы, на каждом из которых оставляюсь подробнее: (1) фундаментальные предпосылки и (2) объективные факторы сегодняшней ценовой конъюнктуры, а также (3) разное понимание в России и Европе того, что должен (обязан) и что имеет право делать Газпром в сложившихся условиях.

Фундаментальные предпосылки

Нынешние газовые цены в Европе - это, в первую очередь, результат построения в ЕС архитектуры рынка газа на основе биржевой торговли и производных финансовых инструментов по модели нефтяного рынка со всеми его издержками.

В ЕС идет последовательная борьба за всемерное наращивание конкуренции, превратно понимаемое как увеличение числа игроков на рынке, чутко реагирующих на ценовые сигналы, и перепродаж товара (точнее, прав на него). Ожидали, что этот инструмент приведет к снижению его цены. Получили же шараханье рынка из крайности в крайность. Это произошло в результате абсолютизации (и даже, пожалуй, фетишизации) одного из измерителей уровня конкуренции на рынке - индекса Хиршендаля-Хиршмана, который вместо «одного из...» стал «единственным».

По аналогии с рынком нефти, происходит переход от рынка долгосрочных контрактов потребителей и производителей к рынку разовых сделок (все это в рамках физических поставок), а затем к биржевой торговле (уже не товаром, а правами на него, когда это право не предполагает физическую поставку, более того, она является обременением для биржевых игроков) и рынку финансовых деривативов (производных финансовых инструментов от линейки биржевых продуктов). При этом производителей, по определению, не может быть много вследствие неравномерности размещения природных ресурсов в недрах Земли, а долгосрочные контракты - это инвестиционный (финансовый) инструмент, обеспечивающий возврат инвестиций в капиталоемкие проекты по добыче и доставке газа потребителю. Такие проекты, как правило, бывают по силам именно крупным вертикально интегрированным компаниям, которых тоже по определению не может быть много. Отсюда монополии... А число игроков на рынке «бумажного товара» возрастает по взрывной траектории, как сегодняшние цены. Апогеты конкуренции ликуют: монополии побеждены! Но что от того в итоге потребителю при сегодняшней ценовой конъюнктуре?

Рынок биржевых деривативов построен на ожиданиях спекулянтов, ищущих краткосрочную выгоду от перепродаж (арбитражные операции). Действует «эффект толпы» (все побежали - и я побежал), поэтому чувствительность к сигналам - велика, смена знака - мгновенна, размах шараханий - максимален.

Выстраивается «деривационная экономика», то есть происходит переход от баланса спроса/предложения физического товара, то есть баланса интересов производителей-поставщиков и покупателей-потребителей, заинтересованных в игре «в долгую», к балансу спроса/предложения на рынке ожиданий биржевых игроков, деривативных спекулянтов, то есть игроков на рынке финансовых инструментов, заинтересованных в игре «в короткую».

В итоге нарушается баланс между торговлей (свобода на перепродажи произведенного товара туда, где выше цены) и инвестициями (необходимость устойчивой и предсказуемой ценовой динамики для окупаемости инвестиций в производство товара, поступающего в каналы торговли). А неустойчивое поведение характеризуется более размашистыми колебаниями, отклонениями от нормы.

Комментируя 18 марта недобрые высказывания в свой адрес со стороны президента США Байдена, президент Путин ответил ему детской народной мудростью: «Кто как обзывается, тот так и называется». Мне же, комментируя нынешнюю ценовую конъюнктуру на рынке газа в Европе, хочется обратиться к другому примеру детского народного творчества: «За что боролись, на то и напоролись». Иначе говоря, сегодняшняя ситуация на рынке газа в ЕС с почти вертикальным взлетом цен в направлении 1000 долларов за тысячу кубометров - это, во-многом, дело рук самих европейцев, их законодателей и регуляторов. По сообщению «Коммерсанта», цена на газ в Европе в ходе торгов на бирже ICE утром 15 сентября, как свидетельствуют данные торговой площадки, превысила 950 долларов за тысячу кубометров, то есть поднялась выше их исторического

Факторы текущей конъюнктуры

Несколько объективных предпосылок сегодняшней ценовой конъюнктуры.

Первое: жаркое лето - вырос спрос на электроэнергию для кондиционирования. Возобновляемые источники энергии (ВИЭ) не справлялись - они непригодны для постоянного режима энергопроизводства, ибо метеозависимы. Отсюда рост топливопотребления традиционной (газовой и угольной) генерации - и в качестве резервных мощностей для ВИЭ, и как самостоятельного инструмента покрытия дополнительного спроса на электроэнергию.

Второе (вытекает из первого): вместо летней закачки в подземные хранилища газа (ПХГ) происходит длительный отбор газа из хранилищ. Усугубляется это ценовой конъюнктурой: закачивали газ при низких ценах, значит сегодня выгодно отбирать и продавать по высоким. И, наоборот, невыгодно закупать газ по высоким ценам и закачивать в ПХГ в ожидании неизбежного их снижения (в том числе после ввода, пусть даже частичного, в эксплуатацию «Северного потока - 2»), поскольку все понимают, что сегодняшней их высокий уровень - аномален. Это увеличивает нервозность рынка и подстегивает дальнейший рост цен (ожидание потенциальной текущей нехватки «в моменте»).

Третье: внутренняя добыча в ЕС, как известно, повсеместно падает - в Великобритании, Норвегии, Дании, Нидерландах, а в последней будет полностью остановлена в 2023 г. (когда-то крупнейшее в мире газовое месторождение Гронинген). Сокращаются поставки из Алжира. При этом вывод из эксплуатации угольных тепловых (ТЭС) и атомных (АЭС) электростанций (по климатическим соображениям) требует возмещения выбытия, которое метеозависимые ВЭС/СЭС (ветровые и солнечные электростанции) обеспечить не могут. Поэтому импортный спрос на газ растет.

Четвертое: расчеты на СПГ как балансирующего источника поставок для ЕС не оправдались. Европа не является для глобального СПГ премиальным рынком. Рынком первоочередного спроса для СПГ является Азия, где цены на четверть-треть выше, чем в Европе, поэтому СПГ стремится и стремится в Азию. Плюс к тому, Китай раньше вышел из пандемии и начал пост-пандемическое восстановление экономики, а это означает масштабный рост спроса именно здесь.

В итоге замыкающим в Европе оказывается российский газ. И здесь есть важные нюансы, связанные с разным пониманием в России и в Европе того, что должен (обязан) и что имеет право делать Газпром.

Потому что многие в Европе уже назначили Россию и Газпром ответственными («крайними») за текущий «ценовой беспредел».

Разнопонимание прав и обязанностей

Европа ратует за верховенство закона, и при этом зачастую не понимает (или делает вид, что не понимает) базовых правовых различий между правом и обязанностью.

Газпром выполняет все свои контрактные обязательства по экспортным поставкам. По сверхконтрактным - начинаются расхождения в понимании. В Европе считают, что Газпром должен (обязан по логике ценового арбитража) использовать высокую конъюнктуру и наращивать поставки в ЕС, чтобы цены в Европе снизились. Расчет ЕС построен на психологии «деривативной экономики» («дешевле купить, дороже продать»: долгое время проработав в Брюсселе, никогда не мог согласиться с такой заставкой экономического раздела телепрограммы «Евроньюс»).

Однако ожидания, что Газпром воспользуется высокой ценовой конъюнктурой и выбросит дополнительные объемы на рынок ЕС, чтобы заработать «в моменте», не оправдались. Газпром работает «в долгую».

Во-первых, у Газпрома есть приоритет поставок на внутренний рынок - по закону «О газоснабжении» на Газпроме лежит обязанность обеспечивать надежное и устойчивое газоснабжение российских потребителей. Поэтому для него приоритет - закачка газа в ПХГ России в преддверие зимнего отопительного сезона. Принятая еще в декабре 1962 г. Резолюция №1803 Генеральной Ассамблеи ООН «Неотъемлемый (постоянный) суверенитет над природными ресурсами» заявляет, что «право народов и наций на неотъемлемый суверенитет над их естественными богатствами и ресурсами должно осуществляться в интересах их национального развития и благосостояния населения соответствующих государств». Это значит, что суверенные государства-собственники недр разрабатывают их в интересах, в первую очередь, народов своей страны, откуда вытекает приоритет поставок на внутренний рынок.

Во-вторых, если Европе так нужен Газпром и российский газ, зачем же она гадит России и Газпрому, вводя антироссийские санкции и дискриминационный режим использования мощностей газопроводов «Северный поток - 2» и OPAL? Отмечу, что в силу более современного технологического уровня этих трубопроводов (по сравнению с украинским маршрутом), более короткого пути доставки газа в Европу (с Ямала через «Северные потоки» по сравнению с украинским маршрутом из Надым-Пур-Тазовского региона) издержки транспортировки этим путем ниже, значит приемлемая для российского экспортёра рыночная «цена отсечения» продаваемого газа в Европе также будет ниже.

Понятно, что инициаторами этих рестрикций являются «младоевропейцы», в первую очередь, Польша и прибалтийские страны со своими фантомными политическими болями из недавнего и/или весьма отдаленного - не имеет значения - исторического прошлого. Или движимые конкретной экономической досадой. Ибо они очень в свое время рассчитывали, что новый северный транспортный коридор для поставок российского газа в Европу пройдет не по морю, а по территории этих стран и принесет им транзитные тарифы, которые может быть они уже успели не только посчитать, но и поделить... У них и проект имелся соответствующий - Amber. Но остальные страны ЕС их молчаливо поддерживают, продлевая каждые полгода санкционный режим.

Почему же мы (Россия и Газпром) должны в этих условиях идти навстречу Европе? Где принцип взаимности? Поэтому Газпром в этих условиях имеет полное право работать по принципу «итальянской забастовки» - отгружать только строго контрактные объемы, но не более того.

В-третьих, Россию и Газпром хотят силой загнать в дополнительный украинский транзит. Но это право поставщика - выбирать тот маршрут доставки, который сопряжен с меньшими рисками и издержками (что выгодно и потребителю). А резервирование дополнительных (сверх твердых обязательств по действующему транзитному контракту на 2020-2024 гг.) объемов мощностей украинской ГТС происходит уже по повышенным тарифам. Значит, в итоге, цена отсечения в Европе при поставках через украинский маршрут для российского экспортёра будет выше, чем по «Северным потокам». Поэтому для России и Газпрома полная загрузка обходных маршрутов выгоднее и целесообразнее украинского транзита в сегодняшних условиях при сегодняшнем уровне технического состояния украинской ГТС (для которой «индекс аварийности» КРМГ в 9 раз выше, чем в ЕС/ФРГ).

В четвертых, ценовая конъюнктура в рамках долгосрочных контрактов определяется их ценовыми формулами. Этот механизм усредняет ценовые колебания, сглаживает пики текущих «шараханий» цен. Как сообщила на Дне Инвестора Газпрома 24 апреля с.г. зампред правления компании, гендиректор «Газпром экспорт» Е.В. Бурмистрова, «более половины экспортных объемов газа было реализовано с привязкой к спотовым индексам «на день вперед» и «на месяц вперед». При этом почти треть - с привязкой к более длительным форвардным котировкам. Еще 13% всех объемов газа было реализовано с нефтяной индексацией. «Газпром» постоянно адаптирует свою контрактную модель к развитию газового рынка. Наш портфель контрактов позволяет нам найти баланс между необходимостью продавать газ по конкурентным

рыночным ценам и стремлением ограничить зависимость от колебаний конъюнктуры. Тем самым мы сохраняем свои позиции на рынке.» Поэтому даже переход от нефтепродуктовой индексации, доминировавшей в прошлых ценовых контрактных формулах, к нынешним, привязанным уже преимущественно к ценам торговых площадок, всегда сглаживает ценовые пики. В результате текущие контрактные цены примерно втрое ниже биржевых котировок.

В общем, обращаясь к строителям европейского рынка газа по его современной модели в нынешних условиях реактивного взлета цен торговых площадок, могу сказать словами Чебурашки и вынесенной в заголовок детской народной мудрости, что вы «строили, строили и, наконец, построили...» и, в итоге, «за что боролись, на то и напоролись».

Ничего личного. Просто констатация очевидного.